

ЭСТЕТИК В ЛАБИРИНТАХ ПОСТКУЛЬТУРЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ В. САМОХВАЛОВОЙ «БЕЗОБРАЗНОЕ»

Аннотация: Статья посвящена анализу книги В.И. Самохваловой «Безобразное», в которой рассмотрены не только проблемы актуализации эстетической категории в (пост)современном культурном контексте, но и различные феномены «посткультуры», в которой безобразное становится культурной доминантой. Особое внимание уделено критической позиции автора книги в отношении массовой культуры и многочисленных культурных практик наших дней, которые, по мнению автора книги, показывают утрату ценностных ориентиров и идеалов. Книга «несомненно» заслуживает внимания широких кругов аудитории, возвращая читателя к вечным проблемам Добра и Зла, Прекрасного и Безобразного, приглашая читателя к диалогу и к осмыслению своей позиции в сложном пространстве культуры начала XXI в.

Ключевые слова: культурология, безобразное, посткультура, эстетика, прекрасное, масскульт, категория, технология, постмодернизм, красота.

Самохвалова В.И. *Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире.* М.: Брис-М., 2012. 592 с.

Эстетика сегодня не принадлежит к числу востребованных и актуальных дисциплин. В бесконечных разговорах и дискуссиях о модернизации, мультикультурализме, информационном обществе такие понятия, как «прекрасное» или «возвышенное» звучат, на первый взгляд, весьма архаично. На уровне популярной культуры вполне расхожими эстетическими идеалами становятся гламур и сексуальная привлекательность, которые являют собой идеал красоты наших дней, ставший достижимым для практически всех людей благодаря развитой индустрии красоты. Образы красоты и уродства легко продуцируются в экранной культуре благодаря новейшим технологиям и становятся очередными «картинками», распространяющимися по всем пространствам популярной культуры.

Говоря о таких категориях классической эстетики как «комическое» и «трагическое», не говоря уж о «возвышенном», можно заметить, что только первая из них каким-то образом существует в сегодняшних культурных текстах в виде незамысловатого юмора ситкома или многочисленных

телешоу, которые призваны вывести потребителя из полусонного состояния апатии при помощи самых нелепых приемов, сопровождаемых записанным заранее якобы смехом аудитории. Что касается «трагического», это не его эпоха, как, впрочем, и другие исторические периоды, в которых трагедия была неуместна. Мы можем назвать всего лишь несколько культурно-исторических эпох, когда трагедия выходила на передний план художественной культуры и будила умы зрителей, становилась востребованной, не отторгалась публикой из обывательского страха перед безднами человеческого бытия. В наше время тотального потребления трагедия не нужна — ведь ее нельзя «потребить» с чипсами и кока-колой, а трагедийные герои кажутся недоумками, которые не умели находить оптимального выхода из сложившейся ситуации.

Что же остается эстетике сегодня? К какой категории обратиться, чтобы найти то пространство, которое еще доступно для эстетического восприятия в культуре поверхности и глянца? В. Самохвалова находит ответ — это «Безобразное», анализу которого во всех его проявлениях и посвящена книга. Материал, представленный автором, поражает своей широтой и многоаспектностью, соотнесенностью с прошлым и с

сегодняшним днем. Эту книгу можно читать специалисту-эстетику, искусствоведа и, в то же время, студенту, только начинающему осмысливать базовые концепты и идеи мыслителей прошлого и настоящего. Книга написана, с одной стороны, как академическое исследование важной эстетической категории, с другой — как размышление автора о всех сложных процессах и явлениях окружающих нас культурных феноменов, подчас кажущихся хаотичным и пугающим пространством, где трудно отличить добро от зла, а красоту от уродства. Мы остановимся в этом очерке лишь на нескольких моментах, показавшихся нам особенно важными как для осмысления культурных феноменов наших дней, так и для выработки критериев их оценки.

Само по себе обращение к эстетической категории как главному объекту исследования стало довольно редким явлением в современном гуманитарном дискурсе. Но в данном случае эстетический поворот не означает некой архаичности, устремленности в прошлое взгляда автора — на наш взгляд, скорее, он является предвестником возвращения интереса к эстетике, «возврата репрессированной эстетичности», перефразируя известную формулировку Ф. Джеймисона в отношении истории. Несмотря на всю постмодернистскую размытость категорий и концептов в посткультуре¹, человеку свойственно, на определенном глубинном, может быть, подсознательном уровне оценивать предметы вещного мира и феномены мира духовно-чувственного с точки зрения их эстетической принадлежности, классифицировать мир по эстетическим параметрам, наряду со многими другими, в частности, обыденно-прагматическими. Выбирая безобразное как объект своего рассмотрения, В. Самохвалова предпринимает комплексный анализ этой категории, осмысливая ее суть и выявляя ее функцию в современной культуре, связывая это с процессами смыслообразования и ценностной ориентации, во многом утраченной человеком посткультуры, но абсолютно необходимой, чтобы не затеряться окончательно в сложных лабиринтах культурного пространства. Автор сама, подытоживая свое исследование, подчеркивает

значение безобразного как культурной доминанты наших дней: «...ныне категория безобразного становится все более актуальной для современного человека, и в современном культурном контексте она даже претендует на главенство»².

Итак, что представляет собой безобразное с точки зрения философии культуры? Является ли оно некой устойчивой моделью или меняется как со стороны формы, так и содержания в зависимости от контекста? Этот вопрос является, на наш взгляд, самым трудным в определении любой эстетической категории, и мыслители на протяжении веков пытались дать на него ответ. Автор, как нам представляется, склоняется к точке зрения, определяющей безобразное как субъективно обусловленное в его оценке. «Безобразное — в широких рамках его истолкования — действительно предстает не только в многоуровневой и многогранной многоаспектности его понимания, но и в качестве одной из наиболее субъективно (здесь и далее курсив автора) понимаемых эстетических категорий при всем объективном значении ее для человека. *Безотносительно* безобразного нет, ибо образы безобразного чаще всего создаются в человеческом представлении, или живут в человеческом подсознании и всегда окрашены выраженными субъективными эмоциями, чертами, особенностями. Если относительно красоты люди *в общем* довольно часто приходят к согласию (благодаря наличию норм, канонов, даже моды), то относительно безобразного нет никаких канонов и здесь все решает только личное восприятие»³. Автор затрагивает важнейшую проблему не только эстетического восприятия, но и формирования представлений человека о мире в целом, которое не может проходить вне эстетической оценки.

Вопрос об относительности эстетических категорий далеко не нов, проблема культурной обусловленности прекрасного или безобразного, комического или трагического подробно разработана у эстетиков и культурологов. Встает вопрос о том, насколько эта культурная обусловленность работает в современном мире, столь сильно подвергшемся процессам глобализации, насколько эти процессы способствовали выработке каких-то общих эстетических канонов или лишь ввели в культурное пространство различные модели красоты и уродства, которые стали частичками

¹ Мы употребляем этот термин, который уже вошел в исследовательский дискурс и используется В. Самохваловой в своей книге. См. определение В. Бычкова (Корневище оБ. Книга неклассической эстетики. М., 1999), а также работу автора данной статьи: Шапинская Е.Н. Культурологический дискурс после постмодернизма // Обсерватория культуры. 2010. № 6.

² Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире. М.: Брис-М., 2012. С. 422.

³ Там же. С. 79.

бесконечного калейдоскопа образов разных культур, лишенных первоначальных смыслов? Несомненно, поднятая В. Самохваловой проблема относительности и субъективности безобразного имеет значение для всей социокультурной ситуации сегодняшнего дня, будучи и вечной, и остро современной.

В работе В. Самохваловой вполне эксплицитна авторская позиция в отношении многих аспектов современной культуры, в особенности массовой культуры. Трудно представить себе чисто объективный анализ таких эстетических категорий как прекрасное и безобразное, во многих обусловленных субъективным восприятием и эмоциональным настроением как автора, анализирующего их, так и зрителя или слушателя, воспринимающего культурные и художественные тексты. Автор с тревогой и печалью говорит об искусстве последнего времени как о кривом зеркале, «из которого на человека смотрит безобразное лицо порока и насилия, низменных страстей и бездуховности — безобразное лицо общества, искажившего и извратившего в измененном фокусе своих безнравственных целей понятия о главных человеческих ценностях»⁴. Этическая обусловленность эстетической оценки неизменно присутствует в рассуждениях об эстетических феноменах наших дней. Определенность аксиологической позиции автора не является, на наш взгляд, только выражением личных пристрастий или оценок или идеологической ангажированностью — скорее это приглашение к размышлению по поводу того, что нас привлекает и отталкивает в окружающей нас действительности, в распространившейся во все сферы жизни медийной продукции и культурной индустрии. В. Самохвалова объясняет свое отношение к современной культуре, выделяя те ее черты, которые являются последствиями тотальной глобализации и постмодернистского поворота. «В современной культуре находит распространение понимание культуры как прежде всего культуры поверхности и пространства «пазлов», образующих мозаику смыслов без общего замысла культуры»⁵. Нет сомнения, что «тысяча поверхностей» (термин Ж. Делёза и Ф. Гваттари») может служить весьма точной метафорой современной культуры, и исчезновение чувства истории, полное пренебрежение к ней вплоть до издевательства также рассматривается в книге в контексте анализа современных художе-

ственных репрезентаций исторических сюжетов. Анализируя модную в наши дни «современную» версию оперы «Евгений Онегин» в постановке Д. Чернякова, «Моцарта и Сальери» в версии «Геликон-оперы» и «Бориса Годунова» в постановке британского режиссера У. Доннована, автор не скрывает своего отрицательного отношения к подобным постмодернистским играм с историей. «Если это не безобразное, в основе которого... лежит злая и как бы иномирная (в своей непричастности к истинно человеческому) ирония по поводу человека и мира, пародия на человеческое и т.п., и в то же время совершенно «отвязанное» лицедейство, то к какой категории можно причислить оценку подобного?... Представляется безобразной сама тенденция столь дико исказить классика не просто национального, но мирового масштаба»⁶. Можно по-разному оценивать художественные эксперименты с классикой, которые, кстати, не являются исключительно явлением посткультуры, но позиция В. Самохваловой вызывает уважение своей опорой на культурную традицию и вечные ценности, которые никто не отменял во все эпохи и которые в контексте данной книги приобретают эстетическое выражение.

Приоритет безобразного в современной культуре обусловлен не только спецификой художественных практик — автор видит причины этого явления в гипертрофированной технологизации культуры, когда машина воистину стала богом, причем ее присутствие, даже имплицитное, проникает во все стороны человеческого бытия и в природу, которая больше не может противиться небывалому натиску технологий. «Количество безобразного в общем современном контексте жизни увеличивается и усугубляется состоянием природного окружения, природного ландшафта, обезображенного техническим прогрессом, ориентированным на прагматику»⁷. Оценка разрушительного действия технологии на природу и, в конечном итоге, на человека, является весьма распространенной в истории человеческой мысли, но в отношении нашего времени эта традиционалистская по своей сути позиция приобретает характер пафоса отчаяния при виде того, что технологизация зашла слишком далеко, до точки невозврата, когда все первоначально прекрасное заменяется глянцевыми симулякрами и робкими протестами защитников природы, приобретающими форму

⁴ Там же. С. 435.

⁵ Там же. С. 435.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же. С. 436.

движения «зеленых» или распространенного среди «продвинутой» молодежи вегетарианства. Позиция эстетика в данном случае приобретает гораздо более масштабное звучание тревоги за судьбу человечества, за будущее, в котором то, что тысячелетиями считалось прекрасным, ушло в область ностальгических реминисценций, а на смену ему пришла цивилизация, в которой «безобразное начинает восприниматься как нормальное — и может стать нормой»⁸.

Читая книгу В. Самохваловой, мы начинаем думать о явлениях, которые вошли в нашу повседневность и стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Американский культуролог О. Хардисон, изучая культуру XX в., считал, что самым главным процессом в ней является «исчезновение» — исчезновение природы, истории, языка, искусства и, наконец, человека. Последнее связано именно с усовершенствованием технологий до небывалых вершин, что приводит к изменению их объектного статуса по отношению к человеку. «Чем больше человекоподобные машины становятся частью человеческой культуры, тем больше человеческая культура меняется в ответ на их присутствие»⁹. В этой посткультуре исчезают традиционные бинаризы добра/зла, прекрасного/безобразного.

Поскольку посткультура признает свою исчерпанность и неспособность производить новые культурные тексты и артефакты, уйдя в область бесконечного цитирования и интерпретаций, неизбежен кризис креативности, который также отмечен В. Самохваловой как одна из отличительных черт наших дней. С ним связана столь распространенная в посткультуре эстетизация уродства, принимающая формы художественного эпатажа, но основанная, как правило, на коммерческих критериях и любопытстве человека в отношении всяческих извращений. «...в целом *кризис креативности* предстает как проблема не только искусства и культуры, но проблема человека, проблема целостно антропологическая»¹⁰. В. Самохвалова, глубоко изучившая проблему творчества в своих предыдущих работах, связывает его с духом человеческой свободы, который способен к созданию прекрасного. Всеобщая коммерциализация,

активность культурной индустрии ставят творца в абсолютную зависимость от колебаний рынка или расчетов заказчика, что приводит к искажению всей области креативности. Последняя, по определению автора книги, приобретает формы «не-творчества», «анти-творчества» и «псевдо- или квази-творчества»¹¹. Они и становятся, в отличие от подлинного творчества, способного создавать произведения, несущие в себе самые разные эстетические качества, вызывать глубокие и противоречивые чувства у воспринимающего, быть истинным источником культуры, источников многочисленных «креативных» проектов наших дней. Бессилие же творчества, утверждает В. Самохвалова, становится источником безобразного и его квинтэссенцией.

Лики безобразного в современной культуре многообразны и могут быть скрыты внешним глянцем и столь распространенным качеством, популяризируемым культиндустрией, как гламурность. Отсюда «странность» героев сегодняшнего маскультула для традиционного восприятия — экранная и медиаккультура переполнена образами жестокости и насилия, оккультных сил и монструозности в самых разных проявлениях. В. Самохвалова объясняет зачарованность современного потребителя культиндустрии древними корнями связи человека с изначально естественными образами, которые «в воспоминаниях и нечетких видениях обрастают устрашающими чертами и качествами и становятся почвой для страшных фантазий и создания безобразных образов»¹². Это объяснение трансформации отталкивающего образа монстра (вампира, оборотня или еще какого-либо чудовища из страшных сказок) в романтизированного героя, мечту девочек-тинэйджерсов помогает понять глубокую укорененность тяги к ужасному в пластах человеческого бессознательного и в то же время отчетливо демонстрирует нео-архаические черты посткультуры. Разнообразные культурные практики, связанные с магией, шаманизмом и оккультными науками вновь процветают в культуре с приставкой «нео-» и показывают в весьма привлекательном свете то, что еще недавно казалось рациональному индивиду отталкивающим и примитивным. В. Самохвалова останавливается на концепции бессознательного как вместилища темного, ужасающего архаических пластов человеческого прошлого, анализируя

⁸ Там же. С. 590.

⁹ Hardison O.B. *Disappearing through the Skylight*. N.Y.: Penguin, 1990. P. 295.

¹⁰ Самохвалова В.И. *Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире*. М.: Брис-М., 2012. С. 293.

¹¹ Там же. С. 294.

¹² Там же. С. 334.

образы, наполняющие современную культурную продукцию. «Многие исследователи приписывают все темное, порочное, похотливое, проявляемое вдруг в природе человека, именно наличию в нем темного подсознательного, памятью или даже идентификацией им себя с теми или иными животными, образы которых едва различимо сохранила память»¹³. Если согласиться с этим мнением, то надо признать, что деятели культуриндустрии хорошо разбираются в теории архетипов, выпуская в массовое производство бесчисленные вампирские саги, истории о монстрах разных поколений, от тотемических до технологических, ужастики о пришельцах и прочую весьма востребованную продукцию в жанре «хоррор».

Но привлекательность безобразного связана не только с темной стороной человеческого бессознательного. В своей книге В. Самохвалова рассматривает безобразное в соотношении с его противоположностью — с прекрасным, причем как все противоположности эти понятия связаны сложными отношениями взаимодополнительности. Безобразное обретает силу и в соотношении с прекрасным и само по себе, будучи укорененным в глубинах человеческой психики. Эта амбивалентность безобразного анализируется в книге: «...безобразное и как своеобразная изнанка прекрасного, и как самостоятельное обозначение зла и несоответствия в мире, и как претворение в образах особой памяти и неосознанного знания столь же привлекательно для художника своими изобразительно-выразительными возможностями и потому часто привлекает мастера, который хочет испытать свое мастерство — в данном случае в своей фантазии и в своей передаче безобразного»¹⁴.

Безобразное, несомненно, является универсальной категорией, и примеров его в качестве источника художественного вдохновения в истории культуры очень много. Тем не менее, никогда оно не приобретало значения культурной доминанты эпохи, как это происходит в наше время, что заставляет нас задуматься об общем направлении развития нашей культуры и человеческого существования в целом. Является ли повышенный интерес к безобразному временным явлением, связанным с кризисами во всех областях социокультурной жизни и сменой культурной парадигмы? Или же это то будущее, в котором предстоит

жить человеку, привыкшему к безобразному, воспринимающему его различные проявления как нормальную сторону повседневного существования? Эти вопросы также проанализированы в книге В. Самохваловой на богатом историческом материале. В этом историческом экскурсе исследуются механизмы художественного творчества, которые в корне отличаются от законов массового производства продуктов культуриндустрии, где на место внутренней потребности художника приходят всемогущие законы рынка, диктующие создание коммерчески успешных продуктов. В современной культуре доминирование безобразного объясняется именно этими законами, которые на сегодняшний день вовсе не собираются сдавать свои позиции. В реальности начала XXI в. культура подчинена законам общества потребления — такой вывод делают многие философы, культурологи и исследователи самых разных областей человеческого бытия. В. Самохвалова рассматривает «так называемое посткультурное общество» как «общество без культуры. В нем разрушаются культурные нормы и различия. Нельзя ни строить, ни развивать, ни реформировать общество, разрушая при этом его цивилизационные константы, несущие конструкции его социокультурного здания»¹⁵. Безобразное выходит за пределы эстетической категории и становится аспектом посткультуры, проявляющимся во всех сферах жизни, отношений, эмоций человека, которому выпала судьба жить в эту эпоху. Читая заключительные главы книги, невозможно не включиться в инстинктивное и эмоционально окрашенное описание этого «нового безобразного», которого мы, возможно, уже не замечаем или принимаем как должное. Автор предостерегает о разрушительном действии этой вырвавшейся за предписанные нормой и традицией эстетической категории, которая приобрела онтологический смысл, воплотясь в артефакты окружающего нас (пост)культурного мира. «Итак, в новом безобразном объединяются все возможные случаи *концентрированного* выражения самой сущности безобразного, его смысла, формы его проявления в их *специфическом* виде, обусловленном соответствующим контекстом постсовременности. Человек выпал из привычных и необходимых человеческих связей, из всех ценностных парадигм, из системы норм, представлений, убеждений, табу и необходимых в культуре принимаемых и уважаемых условностей... Сама

¹³ Там же. С. 352.

¹⁴ Там же. С. 357.

¹⁵ Там же. С. 507.

востребованность безобразного современным человеком выступает как определенный показатель состояния его души»¹⁶. Вывод весьма печальный, но соответствующий мироощущению автора и многих тех, кто разделяет ее беспокойство и неудовлетворенность окружающим миром, в котором господствует Безобразное, захватив территории, ранее принадлежавшие Прекрасному, Возвышенному, Трагическому.

Так ли все трагично на самом деле? Есть ли будущее у Культуры в мире посткультуры? Сразу оговорюсь, что не разделяю полностью алармистской позиции автора — на мой взгляд, в сегодняшней культуре есть место и прекрасному, и возвышенному, поскольку они априори присущи человеческой природе, а она способна сопротивляться самому жесткому натиску технологий и глобализационных процессов. Примеры такого сопротивления — устойчивость бинарных оппозиций, которые, несмотря на провозглашенную теоретиками постмодернизма деконструкцию, показывают способность к воссозданию, пусть на новом уровне и в новых практиках. Точно так же эксперименты с

классикой, по поводу которых я совершенно согласна с В.И. Самохваловой, уже приелись публике, и тенденция, которая набирает силу в сегодняшней художественной жизни — возврат к аутентичности, которая, конечно, во многом утеряна в период «фурора экспериментации», начавшегося в эпоху модернизма, но еще продолжает существовать в некоторых культурных пространствах и в памяти людей, не поддавшихся тотальной модернизации. Но все же идея книги не в тотальном отрицании действительности, а в призыве изменять ее и стремиться к тому, что делает жизнь человека полной, осмысленной и счастливой — к Добру и Красоте. «И будем радоваться свету! — завершает свой труд В.И. Самохвалова. — И чтить Красоту, которая — в своем явлении — оправдана самой природой. Сделаем стратегический свой выбор в пользу красоты. И не устанем быть на ее стороне»¹⁷. Надеюсь, что читатели этой замечательной книги согласятся с призывом автора и смогут противостоять натиску Безобразного, как и многим другим вызовам нашего времени, найдя достойный ответ и сохранив Прекрасное как часть своей жизни.

Список литературы:

1. Самохвалова В.И. Безобразное. М., 2012.

References (transliteration):

1. Samokhvalova V.I. Bezobraznoe. M., 2012.

¹⁶ Там же. С. 524.

¹⁷ Там же. С. 591.